

Г. М. Шипицына, М. Б. Геращенко

ПОЧЕМУ В АКТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ СТАРЫЕ СЛОВА

GALINA M. SHIPITSINA, MAYA B. GERASHCHENKO
WHY ARE OBSOLETE WORDS IN THE ACTIVE USAGE AGAIN

*Слово более живуче, более долговечно, чем вещь
и личность, и более изменчиво, чем они*
(В. В. Виноградов)

**Галина Михайловна
Шипицына**

Доктор филологических наук,
профессор кафедры
русского языка и методики
преподавания Белгородского
государственного университета
► Shipitsina@bsu.edu.ru

Майя Борисовна Геращенко

Кандидат филологических наук,
заместитель начальника отдела
инновационной деятельности
управления НИД
Белгородского
государственного университета
► Gerashchenko@bsu.edu.ru

Статья посвящена исследованию динамического процесса в лексике русского языка — возвращению слов из пассивного словарного запаса в активный. Описаны внешние и внутренние факторы реактивизации и проанализированы основные лексико-семантические группы возвращенного лексикона. Возвращение лексических единиц в период становления нового российского государства (конец XX — начало XXI века) — показатель зависимости между изменениями в общественной, культурной среде и в языке.

Ключевые слова: возвращение слов, реактивизация, семантическая эволюция, языковые изменения, активный словарь.

The article is devoted to lexis reactivation, a dynamic process in vocabulary of Russian language which is known as words moving from the passive vocabulary to the active one. In the paper we examine the factors of reactivation and analyze the main semantic groups of reactivated lexicon. Lexis reactivation is an indicator of socio-political and cultural changes in the end of the XX century and early years of the XXI century in Russia.

Keywords: return words, reactivation, the semantic evolution, language changes, active vocabulary.

Лексика русского языка, будучи адаптивной динамической системой, повернутой своей внешней стороной к обществу и приспособляемой носителями языка к новым условиям их жизни, стала стремительно обновляться не только с помощью многочисленных неологизмов и заимствований, но и благодаря притоку слов, возвращаемых в активное функционирование из пассивного запаса. Например: *Лидеры парламентских фракций, высшие чиновники, представители всех ветвей власти — все начальство России собралось в Большом Кремлевском дворце... Министры, сенаторы, главы администраций, деятели культуры и искусства, президенты палат, академий и корпораций. Православный иерарх воссел рядом с буддистом, раввин — с муфтием, а казачий атаман — с примкнувшим к ним Иосифом Кобзоном: мир и в человецех благоволение* (Росс. газета. Фед. вып. 14.06.2005).

Как языковое явление возвращение (реактивизацию, актуализацию) устаревшей лексики нельзя назвать новым явлением для системы русского языка, оно имело место, изучалось и ранее¹, однако по количе-

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (г/к № 16.740.11.0295).

ству возвращенных слов, по масштабности процессов и их влиянию на перестройку лексической системы языка прежние процессы реактивизации с новейшими не сопоставимы.

В поисках ответа на поставленный в названии статьи вопрос мы проанализировали около 700 слов, отмеченных в «Толковом словаре русского языка конца XX века»² под редакцией Г. Н. Складневской как возвращенные в активное употребление русского языка новейшего времени, а также встретившиеся нам в речевом употреблении, но не зафиксированные новейшими словарями. В корпусе всей реактивизированной лексики нами выделено 11 тематических групп. Самая многочисленная группа «Религия, верования» — 53% (*православный, прихожанин, заповедь, пречистая, богомолец, новомученик, угодник, праведничество, пост, паломничество, послушник, протоиерей*). «Экономика» — 18,3% (*концерт, фирма, компания, биржевик, оптовик, приватизация, монополия, конкуренция*). Возвращение в активное употребление единиц этой тематической группы связано с новой экономической деятельностью россиян и престижностью работы в указанной сфере. Например: *Лавада-Центр представил данные нового соцопроса о самых престижных, доходных, криминальных и опасных профессиях в сегодняшней России ... Список самых доходных профессий открывает банкир, за ним следует бизнесмен (предприниматель) ...* (Рос. газета. Фед. вып. 12.08.2005). «Политика и государственное устройство» — 13,8% (*россияне, радикал, центрист, оппозиционер, исламизация, фашизация, пикет, вольнодумство, клерк, департамент*). «Духовные традиции народа» — 3,1% (*филантропия, меценатство, радение, спонсор*). В последние годы благотворительность в России получила государственное одобрение, и лексика этой сферы актуализировалась. Например: *Россия XXI века наследует традиции России века XIX, когда благотворительная деятельность была неотъемлемой и привычной чертой, — подчеркнул заместитель председателя Совета Федерации РФ Дмитрий Мезенцев, предвещая лучшим российским благотворителям в будущем получение орденов имени Третьякова, Мамонтова и Морозова*

(Неделя. 14.04.2006). «Образование» — 2,8 (*колледж, гимназия, кадет, лицей, бакалавр, магистр*). «Искусство и массовая культура» — 2,7% (*крупье, модель, продюсер, казино, дансинг, стриптиз*). «Социально-бытовая сфера» — 2,3% (*граф, барон, экономка, прислуга, гувернер, господин, сударыня, рандеву*). «Народная медицина» — 2,3% (*костоправ, знахарь, врачеватель, маг, ворожей, ведун, прорицательница*). «Армия и органы безопасности» — 0,8% (*казак, казачество, чекист*). «Судебное дело» — 0,7% (*вердикт, законопослушный*). За пределами вышеназванных групп остается некоторое число слов (*питерский, приватный, подворье, безвременье, развал* (рынок)). Они пополнили собой соответствующие им лексические парадигмы в пределах всего словаря русского языка. В «своих» парадигматических группировках возвращенные слова вступают в сеть системных отношений, формируют новые оппозиции, заполняют недостающие звенья в различных корреляциях: например, в тематических группах (учебное заведение — *школа, лицей, гимназия, кадетский корпус, колледж, техникум, институт, академия, университет*), в противопоставлениях по антонимическому типу (*лидер — аутсайдер, грехопадение — благочестие*), противопоставлениях по синонимическому типу (*вкладчик — инвестор, натурщица — модель, магазин — универсам — супермаркет — гипермаркет*).

В конце XX века реактивизировалась та часть лексического фонда, которая ранее (особенно в советский период) находилась на периферии общественного сознания, информационного и коммуникативного пространства времени. Состав реактивизированной лексики свидетельствует о том, что в современном сознании социума формируются две ведущие тенденции — прозападная и пророссийская, а динамические процессы реактивизации пассивного лексического фонда становятся индикаторами, свидетельствующими об ориентированности общественных интересов и их динамике.

Возвращение старых (дореволюционных) номинаций в связи с реконструкцией языкового сознания россиян, обусловленной ностальгическими воспоминаниями (навеванными в основном

литературой и кино) о дореволюционном укладе жизни, когда развитие капитализма в России и деятельность делового мира (в частности, купечества) были успешными. С возвращенными словами связаны надежды на успех непривычной для бывшего советского человека деятельности, а апелляция к прежней национальной картине мира, к исторической памяти народа призвана маркировать обозначаемое старым словом возродившееся явление как свое, родное. Например: *департамент, губернатор, маклер, меценат, чиновник, гильдия, гувернер и гувернантка, прислуга, экономка*. «Требуется экономка... Состоятельная семья примет на работу домашнюю работницу... Нужна гувернантка с высшим образованием». Такие объявления сегодня нередки на рынке труда (Пензенская правда. 20.10.2006).

Обозначение возвращенным словом реалий, в чем-то схожих с исчезнувшими ранее. У закрепленного письменными источниками или устной народной речью слова существует *непрекращающаяся возможность его возрождения*, и она потенциально существует всегда. Многовековая непрерывность слова легко мирится «с многовековыми перерывами в реальном применении слова. Мы очень часто признаем *тем же самым* предмет, который изменился»³. Слово применяется в речи не в виде одного из заранее запасенных на все случаи жизни в необходимом количестве стандартных экземпляров, а в порядке повторных преобразований определенной «матрицы»-стереотипа (ячейки языковой функциональной системы), видоизменяющейся в процессе эволюции, но не нарушающей при этом тождества самой себе⁴. Например, в ходе ликвидации в 1993 году параллелизма властных структур был устранен один из элементов советской административно-командной формы управления — советы сельских поселений. В связи с этим произошла замена слова *советы* на слова *земство, земское собрание и волость*.

Реактивизированные номинации используются для выражения различий с аналогичными реалиями недавнего прошлого, выполнявшими те же (или сходные) роли. Обновленные номинации за счет бывших в пассивном запасе слов должны

подчеркнуть коренное изменение сущности явлений в лучшую сторону. Примером может служить замена названий властных структур постсоветского времени: *парламент* — это не то же самое, что бывший *Верховный совет депутатов* с его стопроцентным *одобрямс*. Новое название стало необходимым, чтобы подчеркнуть новые, демократические принципы формирования и стиля работы этого органа государственной власти.

Одной из причин реактивизации лексики является влияние на российскую экономику и финансовую систему международных, прежде всего западных, форм и методов управления, ориентация современной России на западные модели устройства общества. Это привело к активизации иностранных слов, которые ранее использовались в русском языке для описания реалий зарубежных стран. Теперь они стали использоваться применительно к явлениям российской действительности как манифестанты западных ценностей и культуры. Кроме того, в современном российском обществе знание иностранных языков, особенно английского, стало и престижным и во многом необходимым в связи с изменившимся характером деятельности в сфере бизнеса, получения информации, а также в новом стиле жизни современных (материально обеспеченных) россиян. Насыщение русской разговорной речи английскими словами (в том числе их трансформированными вариантами, например, в компьютерном жаргоне) стало модным, престижным в общественной и бытовой коммуникации как свидетельство образованности человека, его общности к современной технике, электронике или элите общества.

Одной из причин возвращения в активное употребление иноязычных слов, ранее имевших ограниченную сферу употребления, является действие в языке постперестроечного времени тенденции к камуфлированному обозначению новых для российского общества негативных явлений, которые ранее были приметой западного мира. Например, экономические термины с негативной оценочной семой: *клерк, бизнес, бизнесмен, биржа, банкир, коммерсант, конкуренция, фискальный, банкротство* (в значении «неплатежеспособ-

ность»), акциз («косвенный налог на товары массового потребления, включаемый в цену товара или плату за услуги» (ТСИЯ), *безработица, пикетчик, забастовщик*, а также названия из других сфер: *стриптиз, стриптизер, стриптиз-бизнес, стриптиз-клуб; сутенер; казино...* Без ясной внутренней формы, не всем понятные, маскирующие суть явления иноязычные слова такого типа оказываются востребованными, поскольку, как пишет Л. П. Крысин, они могут выполнять «определенные социально-психологические функции. Например, функцию предотвращения коммуникативного дискомфорта»⁵: они призваны предупредить реакцию агрессивного неприятия социумом номинируемого таким способом явления, ранее усвоенного как номинация из сферы культуры исключительно западного мира.

Реактивизация многих слов произошла и по причине переоценки общественных взглядов на экономические, идеологические, политические, социальные, религиозные понятия в развивающемся общественном сознании носителей языка под влиянием изменившихся социальных структур, институтов власти. *Президент убежден, что у отечественного бизнеса появились здоровые амбиции и ресурсы для масштабных инвестиций* (Росс. газета. Федер. вып. 07.02.2007). Возвращению таких слов способствует переосмысление советской и постсоветской реальности, снятие идеологически обусловленных негативных оценок дореволюционной действительности, установка на возрождение утраченных ценностей духовной культуры, в частности, поддерживаемое властью усиление роли церкви как социального института в жизни общества, наконец, неприятие и осуждение тоталитарного режима, репрессий и отсутствия демократических свобод.

Толкования слов в словарях советского периода сопровождалась четкой системой идеологических предписаний и помет, подлежащих внедрению в языковое сознание. Фиксатором тоталитарного языка советской эпохи стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, отразивший «прямое давление идеологии на лексическую семантику, искусственный примат сигнификативной функции,

квалифицирующей язык как „фиксатор“ идеалов классовой борьбы, социалистической революции, диктатуры пролетариата»⁶. «Бог — по религиозным верованиям — верховное существо, стоящее *будто бы* над миром или управляющее им» (ТСУ). В словаре С. И. Ожегова того периода содержится информация идеологического типа, например: «*господин* — в буржуазно-дворянском обществе: человек привилегированного класса» (Ож.); «*промышленник* — владелец капиталистического промышленного предприятия» (Ож.). Лексические единицы с такой характеристикой в научной литературе называются идеолого-семантическими историзмами⁷.

При реактивизации идеолого-оценочные наслоения к значению слова, закрепленные в словарях в качестве центральных сем их смысловых структур, утратились. Однако, по мнению некоторых ученых, можно усомниться в возможности абсолютного исключения идеологического компонента в толковании значений слов. Вместо продекларированной деидеологизации в практике толкования значений слов проявляется замена одних идеологом на другие, одних социально обусловленных коннотаций — на другие, более соответствующие новой системе аксиологических координат, то есть происходит реидеологизация⁸. По нашим наблюдениям, в новейших словарях (XXI век) ощутима тенденция избавления от политико-идеологической составляющей в дефинициях словарных статей.

Очевидно, что прагматический потенциал многих слов изменился на противоположный: *граф, дворянин, господин, крупье, банкир; благотворительность, пожертвование, покаяние, паломничество, богомолье, грех, литургия, патриарх, духовник*. В связи с идейной и материально обусловленной дифференциацией общества одни и те же слова приобретают для разных групп населения различные оценочные коннотации. В системе номинаций языковых изменений современного русского языка появилось понятие *корпоративное оценочное значение*: одни и те же слова по-разному воспринимаются людьми в зависимости от того, какое место эти люди сумели занять в современной социальной иерархии.

Данное явление И. А. Стернин называет семантической дубликацией, при которой целостное значение лексемы словно бы раздваивается, превращаясь в речевом употреблении в два отличающихся по коннотативному содержанию лексико-семантических варианта⁹. Прежде всего это касается лексики, номинирующей социально значимые понятия, определяющие благополучие, достаток людей и средства их приобретения, например: *приватизация, банкротство, коммерсант, бизнесмен, предприниматель, банкир, акционер* и т. п. Аналогичные процессы происходят и в быстро изменяющемся прагматическом ореоле слова вслед за изменением социально-групповой оценки сущностных качеств номинируемого явления. Например, в следующем предложении, несмотря на ироничный подтекст фразы, отражается разное отношение к одному и тому же явлению разными носителями языка: *Прошло то время, когда при слове «банкрот» приличные люди морщились или сочувственно кивали головами. Становиться банкротом ныне ... выгодно. Во всяком случае именно на банкротстве делают ставку некоторые руководители предприятий* (Росс. газета. Верхняя Волга. 20.10.2005).

Внешние для языка причины возвращения в активную жизнь старых слов, в том числе замещенных ранее и пребывавших в составе ограниченной по сфере употребления лексики, поддерживаются факторами внутриязыкового порядка, потребностью в номинации, наиболее полно и точно выражающей и смысловые нюансы, и прагматические (оценочные, эмотивные, экспрессивные) значимости обозначений. Функционирование языка демонстрируют такие изменения, которые прямо не зависят от социально-исторических факторов. Назовем некоторые из них, имея в виду, что в каждом отдельном случае может действовать несколько причин/факторов одновременно.

Возвращенное слово номинирует явление, которое ранее, чаще — в советский период, не существовало. В этом случае лексическая система заполняет лауну в своем семантическом пространстве. Например, *приватизация, денационализация, канонизация, демпинг, консигнация*.

Возвращение слова обусловлено необходимостью обозначения определенного смыслового оттенка, нужной коннотации. Например: *недруг, противник, враг, соперник*, но не то, что *конкурент; партнер* не то же, что *компаньон; свой, личный, частный* не то же, что *приватный*. Семантика возвращенных слов в словарях объясняется описательно, с указанием на семы, отсутствующие в компонентной структуре имевшихся в активе слов, например: *брокер* — «посредник (лицо или фирма) при заключении сделок по купле-продаже ценных бумаг, товаров и услуг по поручению и за счет своих клиентов» (ТСЯИ). Сравн.: *посредник* — тот, кто осуществляет содействие соглашению, сделке между сторонами (МАС).

Старые слова могут использоваться и для передачи оценочных смыслов, например, ироничного отношения к деятельности человека. Например: *купец* (ирон. В ТСЯИ и шутил. в ТСРЯ XXI века в значении «предприниматель, занимающийся торговлей»). Для выражения недоверия к действиям или словам человека, неискренне выступающего в роли защитника, покровителя кого-либо, чего-либо, понадобилась активизация слов *радетель* и *радетельница*. Например: *Володарский (написавший, наверное, добрую сценариев) известен скорее не как **радетель** истины, а как мастер острого сюжета* (Огонек. 03.12.93–09.12.93).

Ментальные предпочтения у социума меняются, бывшее стилистически высокое, патетическое книжное слово освобождается от этой стилистической окраски и возвращается в активный современный словарь нейтральным. Например, с распадом СССР и появлением нового государства — *Российская Федерация* возродилось слово *россиянин*. Слова *великоросс* и *великорус* также употребляются сейчас как стилистически нейтральные.

В изменившихся социально-экономических условиях появляются новые профессии, виды деятельности, и возникает необходимость в их дифференциации, конкретизации, так как недостаточно только названий родовых понятий. Например (в тематическую группу *экономист, бухгалтер, ревизор* добавляются слова-уточните-

ли биржевик, финансист, аудитор), у слова *вымогательство* появился смысловой синоним *рэкет*, имплицитно коннотирующий более опасного преступления, чем простое вымогательство, поскольку такое преступление является новым, оно названо чужим, непонятным словом.

Тенденция к дифференциации лексических значений слов в пределах соответствующих парадигматических группировок уравнивается противоположной тенденцией обобщения частных наименований, позволяющих четче сгруппировать лексемы в парадигмах. Например, возвратившееся в актив слово *монах* как родовое название для разновидностей монаха — *послушник, насельник, инок*; аналогично *причит* — *священники, дьяконы, пономари, дьячки* и т. д.; *приход* — *миряне, клир* и т. д.

Лексическая парадигма может принять в свой состав старое слово для его специализации в роли термина на фоне синонимичных общепотребительных слов. Например, к группе *стоимость, цена* присоединились слова *котировка, курс* (о валютах).

Вернувшееся в актив слово может быть привлекательным уже потому, что однословное наименование всегда предпочтительнее, поскольку соответствует принципу экономии времени и / или места при употреблении в речи. Например, слова *акция, вексель*, сравн.: *ценная бумага*. При этом многословные обозначения сохраняются в официально-деловом стиле: *купюра*, сравн.: *денежный знак*; *муниципалитет* — сравн.: *орган местного самоуправления*.

Сокращение обозначений уравнивается номинированием появляющихся реалий современности с помощью новых устойчивых сочетаний слов, например: *физическое лицо, юридическое лицо, потребительская корзина, прожиточный минимум, монетизация льгот*. Появление неоднословных наименований объясняется еще и тем, что для российской ментальности характерно представлять картину мира не только рациональными (нейтральными) способами, но и эмоционально, с помощью картинно-образных метафор, содержащих элементы юмора, иронии по поводу различных изменений в общественной жизни.

В качестве заключения приведем слова Г. Н. Складневской: «Процессы, происходящие в русском языке на рубеже веков, только на первый взгляд производят впечатление языковых катаклизмов — в действительности они реализуют гибкость и жизнеспособность современной языковой системы, в них больше закономерного, чем случайного, и больше вселяющего надежду, чем катастрофического»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кожин А. Н. Возрождение устаревшей лексики // Русский язык в школе. 1957. № 3; Крысин Л. П. Жизнь слова. М., 1980; Михайловская Н. Г. Устаревшие слова // Русская речь. 1972. № 6; Шанский Н. М. Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка // Русский язык в школе. 1954. № 3; Улуханов И. С. Забытые слова // Русская речь. 1970. № 1; Улуханов И. С. Об изменении значений слов // Русская речь. 1970. № 4.

² В статье приняты следующие сокращения названий словарей: МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984; Ож. — Толковый словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1991; ТСУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940; ТСЯИ — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 1998.

³ Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 15.

⁴ Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985. С. 9.

⁵ Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008. С. 50.

⁶ Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995. С. 7.

⁷ Савицкий Н. П. Позитивное и негативное отражение общества в языке // Словарь. Грамматика. Текст. Сб. статей. М., 1996. С. 92.

⁸ Васильев А. Д., Веренич Т. К. Динамика дезкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на матер. англицизмов в современном русском языке). Красноярск, 2005.

⁹ Стернин И. А. Коммуникативная концепция семантики слова // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

¹⁰ Складневская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2001. № 6. С. 202.